

Осколки сердец

Любовь может соединять души,
но судьба разбивает сердца.

Любовь К.

Осколки сердца

«Автор»

2026

К. Л.

Осколки сердец / Л. К. — «Автор», 2026

«Осколки сердец» - масштабная драматическая сага в духе лучших индийских сериалов, где любовь сталкивается с местью, а прощение - с ненавистью. От детских травм и семейных интриг - к поискам убийцы и борьбе за справедливость. От холодного расчёта и желания отомстить - к неожиданной любви, способной изменить всё. Адити и Амар - брат и сестра, чьи судьбы искалечены потерями и предательством. Их путь к искуплению ведёт через Мумбаи, где они встретят новых врагов и союзников, узнают страшные тайны и поймут: чтобы обрести будущее, нужно отпустить прошлое. Смогут ли осколки их сердец сложиться в новую, счастливую жизнь?

© К. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15

Любовь К. Осколки сердец

Глава 1

Мумбаи - город контрастов, где мечты либо вспыхивают, как бенгальские огни, либо гаснут в густом смоге реальности. Здесь, среди небоскрёбов и узких улочек, судьбы сплетаются в причудливый узор, а каждый шаг может привести к триумфу или падению.

Наша история - о семье Чаудари, чьи желания, казалось, сбывались по мановению волшебной палочки. Но за блеском успеха всегда прячутся тени прошлого.

Харман Чаудари начинал с нуля. Годы упорного труда, поддержка верной спутницы жизни Махини - и вот он уже владелец крупной строительной компании. Его жена, в свою очередь, создала сеть бутиков, где продавались сари ручной работы - шедевры индийского ткачества.

Семья Чаудари пользовалась уважением, но, как это часто бывает, успех порождал зависть. Они жили в престижном районе - в особняке за высоким забором с железными воротами, на которых были выкованы инициалы «ХМ».

Войдя на территорию, гость попадал в сказочный сад: экзотические растения, благоухающие цветы, дорожки, вымощенные плиткой с уникальным орнаментом. Светлый фасад дома с огромными окнами приветливо манил внутрь.

Просторный холл вёл в гостиную. Слева располагались столовая и кухня с массивным деревянным столом, справа - лестница на второй этаж и выход к бассейну.

В доме жили пятеро: Харман, его жена Махини, две дочери - Прагья и Адити, а также мать Хармана.

История начинается на кухне. Лучи солнца пробивались сквозь занавески, играя бликами на голубом сари Махини. Ткань, расшитая золотой нитью и крошечными камешками, мерцала, словно звёздное небо.

Несмотря на множество слуг, Махини каждый день готовила для семьи сама. В этом был её ритуал, её способ выразить любовь.

Внезапно дверь распахнулась, и в кухню вбежала маленькая Адити.

- Мама, я ищу папу, мне нужно с ним поговорить! - запыхавшись, выпалила она.

Махини вздрогнула и обернулась:

- Адити, будь осторожна, ты можешь пораниться! Куда ты так спешишь?

Адити, младшей дочери Хармана и Махини, было всего шесть лет, но она уже отличалась удивительной мудростью. Девочка верила, что любовь и доброта - самые мощные силы в мире, и Бог всегда защитит тех, кто живет с чистым сердцем.

На рынке или в храме Адити старалась помочь каждому бедняку: отдавала деньги, заколки, сладости. Однажды она даже отдала свои туфли другой девочке, а сама пошла босиком, сияя от счастья.

Прагья, старшая сестра, была её полной противоположностью. С детства она получала всё, что хотела, а с возрастом её запросы только росли. Она завидовала Адити, считая, что та отбирает у неё родительскую любовь. В школе Прагья унижала тех, кто был беднее, демонстрируя своё превосходство.

Харман и Махини часто закрывали глаза на выходки старшей дочери, что вызывало недовольство бабушки. В доме то и дело вспыхивали конфликты.

- Мама, ну так скажи, где папа? - настаивала Адити.

- Дорогая, он уехал встретить бабушку, - ответила Махини.

В этот момент на кухне появилась Прагья.

- Опять возвращается эта энциклопедия правил, - фыркнула она.

Махини строго посмотрела на старшую дочь:

- Не говори так. Она твоя бабушка, и ты обязана её слушать.

- Что слушать? «Это не надевай», «Так не говори», «Туда не ходи» ... - передразнила Прагья.

- Прагья, помолчи, - оборвала её Махини.

- Вот так всегда! Адити уделяют больше внимания, чем мне. Вся семья ненавидит меня! Папа хвалит только Ади, мама тоже хвалит только Ади, даже для сумасшедшей бабушки Ади - идеал. А я? Я вам не дочь? - голос Прагьи дрожал от обиды.

- Перестань закатывать истерики. Иди в свою комнату и займись учёбой, а то отстаёшь по всем предметам, - твёрдо сказала Махини.

- Учёба - это не главное. Главное - деньги, а у нас их столько, что я могу всю жизнь не работать, - с насмешливой улыбкой бросила Прагья и вышла из кухни.

В этот момент в дом вошли Харман и его мать. Услышав голос отца, Адити бросилась к нему:

- Папа! Папа!

- Привет, моя принцесса, - Харман подхватил дочь на руки и закружил.

Бабушка улыбнулась, увидев внучку:

- Малышка, я так скучала!

- Бабушка, вы оставили все дела и приехали на мой день рождения? - глаза Адити светились счастьем.

- Да, малышка, как я могла его пропустить?

Но радость бабушки быстро угасла. Её взгляд упал на пустое место на стене. Она зло посмотрела на Хармана:

- Ты опять её снял? Сколько раз ты будешь убирать её после моего отъезда?

- Мама, давайте не будем начинать всё сначала, - устало произнёс Харман.

- Харман, если ты будешь убирать её постоянно, мы будем возвращаться к одной и той же теме. Сколько раз тебе говорить: сняв картину со стены, истину не изменишь. Малик останется членом нашей семьи, что бы он ни делал.

- Нет, мама. Я вычеркнул его из своей жизни два года назад. Малик не имеет ко мне и моей семье никакого отношения.

- Ты вычеркнул его из своей жизни, но не я. Он мой сын, и этого не изменить. Да, он совершил много ошибок, но это не повод отказываться от него. Вы вычеркнули его из своей жизни, но не я. Я не видела своего сына два года, так что позволь мне хотя бы увидеть его фотографию.

- Хорошо, мама. Только это в последний раз, когда лицо этого человека появляется на нашем празднике, - сдался Харман.

Он позвал слугу:

- Принеси картину из кладовой и повесь на место.

- Хорошо, сэр.

В этот момент раздался голос Махини:

- Еда готова. Идите к столу.

Мама Хармана недолюбливала Махини. Одна из её главных претензий касалась воспитания Прагьи. Бабушка считала, что Махини слишком балует дочь, компенсируя своё отсутствие дорогими подарками. Не обошлось без этого и сегодня. Прагья появилась на ужине в коротком платье с открытыми плечами.

- Хоть меня постыдилась, раз не слушаешь родителей, - злобно бросила бабушка.

Прагья проигнорировала замечание. Она привыкла к упрёкам и научилась их пропускать мимо ушей. Не получив ответа, бабушка обратилась к Махини:

- Это из-за твоего воспитания. Вы не учите свою дочь хорошим манерам. Она не только не уважает старших, но и культуру, и ценности нашей страны тоже.

- Это всего лишь ребёнок. У неё сейчас такой возраст. Скоро это пройдёт, и она начнёт уважать традиции. Просто она ещё незрелая, - попыталась оправдаться Махини.

Бабушка рассмеялась:

- Вот так значит... Незрелая... Будем всё списывать на это? Возможно, ты сама незрелая, Махини, что не можешь нормально воспитать свою дочь. Как хорошо, что воспитанием Адити занималась я, а то бы через десять лет ты тоже сказала, что она незрелая, прикрывая этим свои ошибки. Я сыта этими разговорами о незрелости детей. Я устала, хочу отдыхать.

Она встала и направилась в свою комнату. Адити последовала за ней.

Прагья попыталась уйти, но Харман остановил её:

- В свою комнату, Прагья. И без возражений.

Сам он поднялся наверх. Махини осталась за столом. Слезы катились по её щекам.

- Почему я постоянно это выслушиваю? - прошептала она. - Да, я признаю, что, возможно, в воспитании Прагьи допускала ошибки, но зачем об этом постоянно напоминать? Я понимаю маму, ей сейчас очень тяжело. После того как Харман выгнал Малика из дома, прошло два года, а от него до сих пор нет ни одного сообщения. Но зачем срывать свой гнев на мне? Я ничего не могла сделать. Я не могла остановить Хармана. Боже, я надеюсь, всё наладится, Малик вернётся, и всё будет как прежде...

Поздний вечер. Комната Адити

Комната Адити дышала покоем: просторная, утопающая в пастельных розовых тонах, она казалась островком безмятежности. Белая мебель мягко мерцала в свете ночника, а в углу, словно маленький дворец, стоял кукольный домик - самый дорогой подарок в жизни девочки. Его сделал дядя Малик перед отъездом, и теперь каждый раз, глядя на изящные окошки и миниатюрную мебель, Адити ощущала укол тоски.

Она сидела на кровати, поджав ноги, и не отрываясь смотрела на домик. В груди ныло от невысказанной грусти - как будто что-то важное ускользнуло и больше никогда не вернётся.

Дверь тихо скрипнула. В проёме появился Харман.

- Принцесса, ты до сих пор не спишь? - в его голосе смешались упрёк и нежность.

Адити обернулась, и её лицо мгновенно озарилось радостью:

- Папа, я жду вас! Вы забыли, что я не могу спать без ваших историй?

Харман улыбнулся, подошёл ближе и сел на край кровати:

- Конечно, не забыл. Но сначала скажи, что тебя тревожит?

Девочка опустила глаза, теребя край одеяла:

- Папа... Почему дядя Малик уехал, даже не попрощавшись? Я очень скучаю. Он уже два года пропускает мой день рождения... Может, он меня больше не любит?

Харман вздохнул, взял дочь за руки и мягко сказал:

- Нет, дорогая. Просто у дяди возникли очень важные дела, и ему пришлось уехать. Я уверен, что, как только он всё уладит, сразу приедет навестить тебя. Просто подожди, хорошо?

Адити кивнула, но в глазах всё ещё читалась печаль.

- А знаешь что? - Харман лукаво подмигнул. - Я хотел подарить тебе это завтра, но сейчас подумал: зачем так долго ждать?

Он достал из кармана брелок маленькую розовую коробочку, перевязанную белой ленточкой, и протянул Адити.

- С днём рождения, принцесса. Будь всегда счастлива.

Девочка ахнула, прижала подарок к груди и с сияющей улыбкой взяла коробочку из папиных рук:

- Спасибо, папа!

Осторожно развязав ленточку, она открыла крышку. Внутри лежало маленькое золотое сердечко на тонкой цепочке. На обратной стороне была выгравирована буква «А», а если открыть медальон, справа окажется фотография мамы, а слева - папы.

Адити подняла глаза на отца - в них блеснули искорки счастья:

- Это так красиво! Теперь вы всегда будете со мной.

- Да, принцесса, - Харман слегка сжал её руку. - Возможно, когда-нибудь нас разлучит время, но этот кулон всегда будет напоминать тебе о родителях.

- Что вы такое говорите? - Адити нахмурилась. - Никакое время нас не разлучит!

- Хорошо, - Харман улыбнулся, но в его взгляде промелькнула тень. - Тогда пообещай мне кое-что.

- Что, папа?

- Пообещай, что никогда не расстанешься с этим кулоном. Что он будет с тобой, что бы ни случилось.

Адити выпрямилась, стараясь выглядеть как можно серьёзнее:

- Я обещаю, папа. Я никогда не забуду о вас, потому что вы всегда будете рядом.

Харман еле сдержал слёзы. Он погладил дочь по голове, потом наклонился и поцеловал в лоб:

- Отлично. А теперь ложись спать. Завтра твой день рождения, и ты должна выглядеть лучше всех - как настоящая принцесса.

- Папа, вы забыли - я и так ваша принцесса! — засмеялась Адити.

Харман рассмеялся в ответ, ещё раз поцеловал её и, выключив свет, тихо вышел из комнаты.

Махини проснулась от резкого звука - будто что-то тяжёлое упало на первом этаже. Сердце ёкнуло. Она знала: мать Хармана часто не спит по ночам и бродит по дому.

«Нужно проверить. Возможно, маме стало плохо», - подумала Махини.

Она накинула халат и спустилась вниз. В гостиной было темно и тихо. Махини направилась к кухне, не включая свет - звук, казалось, доносился оттуда.

На полпути она услышала шаги за спиной.

- Харман, ложись спать, я всё проверю, - пробормотала она, оборачиваясь.

Но не успела Махини разглядеть фигуру в темноте, как острая боль пронзила спину. Холодное лезвие ножа вонзилось в тело. Она закричала - и последовали ещё пять ударов.

Махини упала, ударившись головой о журнальный столик. Её крик разорвал ночную тишину.

Харман проснулся мгновенно. Он почувствовал: случилось что-то ужасное. Первым делом он бросился к комнатам детей. Прагги в спальне не было.

«Значит, она тоже проснулась от крика и покинула свою комнату», - пронеслось в голове у Хармана.

С замирающим сердцем он открыл дверь в комнату Адити. Девочка мирно спала, и на мгновение Харман выдохнул с облегчением.

- Принцесса... Принцесса, - он осторожно потряс её за плечо.

Адити приоткрыла глаза:

- Папа? Что случилось?

- Дорогая, очень прошу, спрячься под кроватью и не издавай ни звука, поняла?

- Да, папа, но что это за игра такая?

- Я потом всё объясню, а пока сделай так, как я говорю.

Адити послушно забралась под кровать. Харман выбежал из комнаты и тут же позвонил знакомому полицейскому.

В этот момент снизу донёсся крик Прагги. Харман рванулся вниз по лестнице.

В гостиной он увидел тело Махини. Слезы хлынули из глаз, но он не мог позволить себе сломаться - мысль о том, что ещё можно спасти детей, гнала его вперёд.

Он бросился на кухню - и там, на полу, лежала его мать.

Харман застыл на мгновение, а затем шагнул в столовую.

Выстрел прогремел внезапно. Пуля попала точно в голову.

Адити вздрогнула от громкого звука, по щекам покатились слёзы. Она пыталась себя успокоить: «Это игра. Родители готовят мне сюрприз. Наверное, внизу просто взорвали хлоп-пушку».

Но шаги за дверью не были похожи на весёлую шутку. Они приближались - размеренные, тяжёлые.

Дверь открылась. В проёме показались ноги мужчины в чёрных кроссовках. Он оглядел комнату, затем подошёл к кровати и присел на корточки. От Адити его отделяло лишь одеяло, небрежно брошенное поверх матраса.

Девочка затряслась от страха. Она молилась, чтобы папа пришёл и спас её.

Внезапно мужчина резко вскочил, огляделся и, будто услышав что-то, бросился прочь. Вдалеке завывала сирена.

Адити закрыла глаза. Сознание покинуло её.

Глава 2

Когда полицейские вошли в дом Чаудари, их встретил тяжёлый запах железа и чего-то сладковатого - крови, смешавшейся с ароматом увядших жасминов в вазе у входа. Полумрак прихожей, освещённый лишь тусклым светом из окна, подчёркивал жуть открывшейся картины.

В нескольких метрах от входной двери, прямо на узорчатом персидском ковре, в луже тёмной крови лежало тело. Инспектор Раджвир, опытный полицейский с двадцатилетним стажем, сразу узнал жертву. Это была Прагья Чаудари - шестнадцатилетняя девушка с лучезарной улыбкой, которую он помнил ещё ребёнком. Её платье цвета лаванды было разорвано и пропитано кровью. На теле насчитали около пятнадцати ножевых ранений. Рядом лежала разбитая фарфоровая ваза — её осколки впились в лицо жертвы, добавляя картине ещё больше ужаса.

- Прагья... - прошептал Раджвир, сжимая кулаки.

Помощник инспектора Арджун, молодой полицейский в форменной рубашке цвета хаки, соглотнул и тихо спросил:

- Сэр, кто мог так жестоко убить молодую девушку? И за что?

- Я не знаю, Арджун. Мы должны поймать виновных и проследить, чтобы они были наказаны. Боюсь, это не последнее тело, что мы найдём сегодня, - голос Раджвира звучал глухо, а взгляд был устремлён в пол.

Они прошли в гостиную. Здесь картина была не менее ужасающей: рядом с диваном, обитым бежевым бархатом, в неестественной позе лежало тело женщины лет сорока. Её шёлковая ночная рубашка бирюзового цвета была пропитана кровью в области живота - тёмные пятна расплзлись по ткани, словно зловещие цветы. Лицо искажено предсмертной мукой: брови сведены к переносице, губы приоткрыты в беззвучном крике.

Раджвир присел на корточки рядом с телом, внимательно изучая детали.

- Смотри, - обратился он к Арджуну, указывая на спину жертвы. - Первое ранение нанесли сюда. Видишь угол входа лезвия? Удар нанесён сзади, внезапно.

Арджун, стараясь не наступать на тёмные капли, расплывшиеся по паркету, подошёл ближе.

- Но она сопротивлялась, - продолжил Раджвир, показывая на ссадины на руках женщины и следы крови на подлокотнике дивана. - Видишь эти царапины? Она отбивалась, пыталась оттолкнуть нападавшего.

Взгляд инспектора скользнул к журнальному столику из тёмного дерева, стоявшему неподалёку. Один угол был сколот, на нём - следы крови и клочок тёмных волос.

- При падении она ударилась головой о столик, - Раджвир осторожно коснулся повреждённого угла. - Видишь этот скол? Удар был сильным. Возможно, это оглушило её, дало преступнику преимущество.

Арджун огляделся по сторонам. В комнате царил хаос: опрокинутое кресло, разбитая рамка с семейной фотографией на полу.

- Похоже, борьба была ожесточённой, - заметил помощник, наклоняясь к следам на полу. - Смотрите, сэр, здесь видны следы скольжения - она пыталась отползти к двери.

Раджвир кивнул, медленно обходя комнату. Его взгляд зацепился за что-то под диваном - он присел и аккуратно извлёк небольшой серебряный кулон на порванной цепочке.

- Махини... - снова произнёс Раджвир с горечью, разглядывая кулон. - Она всегда его носила.

Он поднялся и обернулся к Арджуну:

- Проверь остальные комнаты на первом этаже. Обращай внимание на любые следы борьбы, отпечатки, волосы, волокна ткани - всё, что может быть уликой. И осмотри столик внимательнее - возможно, на нём остались отпечатки пальцев нападавшего.

- Хорошо, сэр, - Арджун кивнул, доставая перчатки и фотоаппарат.

Раджвир ещё раз окинул взглядом комнату, фиксируя в памяти каждую деталь: пятна крови на стенах, опрокинутую лампу с оборванным шнуром, одинокий тапок возле лестницы.

«Кто же это сделал? - мысленно спрашивал себя инспектор. - И почему семья Чаудари стала мишенью?»

Он осторожно положил кулон в пакет для улик и направился к лестнице, ведущей на второй этаж - туда, где их, возможно, ждали новые страшные находки. Он методично осматривал комнату за комнатой - спальни, кабинет, ванную. Всё выглядело нетронутым. Уже собираясь спуститься вниз, инспектор вдруг заметил на полу в коридоре тёмные следы. Он присел на корточки, провёл пальцем по полу.

- Это кровь... - пробормотал он.

Следы вели к одной из комнат. Раджвир замер перед дверью, на мгновение прикрыл глаза, собираясь с силами, и толкнул её.

Комната оказалась детской - стены украшали яркие рисунки, на полках стояли игрушки. Всё выглядело аккуратно, за исключением нескольких пятен крови на ковре. Раджвир ещё раз осмотрел помещение, но никаких улик не обнаружил.

- Зачем он сюда приходил? Что хотел найти или кого? - размышлял инспектор вслух. - Почему следы обрываются у кровати? Что хотел преступник? Сколько вопросов возникает в моей голове, но ни одного ответа...

Он присел на пол рядом с кроватью и внимательно вглядывался в следы. Линия прерывалась у самого края матраса, словно кто-то остановился здесь, замер на мгновение. Раджвир наклонился ближе, пытаясь понять направление движения. Вдруг он услышал частое дыхание и слабый стон. Он осторожно заглянул под кровать и увидел маленькую девочку, сжавшуюся в комок. Она обхватила колени руками, уткнулась лицом в колени, её плечи слегка подрагивали. Его сердце пропустило удар - он почувствовал облегчение и одновременно ужас от того, что она могла видеть.

- С тобой всё хорошо? Ты не ранена? - спросил он мягко, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Адити, девочка с большими карими глазами и растрёпанными тёмными волосами, пробормотала что-то невнятное.

- Не бойся. Я полицейский. Давай руку, я помогу тебе вылезти, - Раджвир протянул руку, стараясь улыбнуться как можно доброжелательнее. Адити сама вылезла из-под кровати и внимательно посмотрела на инспектора. Её маленькое личико было бледным, а руки дрожали.

- Я вас знаю. Вы друг моего папы. А где папа? Мы начали играть в игру, которая мне совсем не нравится, - её голос дрожал.

- Дорогая... - Раджвир запнулся, не зная, как сказать Адити, что она осталась одна, что её семьи больше нет.

- Почему вы молчите? Скажите, где мой папа? - прервала его Адити. - Хорошо. Я сама пойду искать, где мой папа. Мне не нравится эта игра, она меня пугает. Сначала дядя незнакомый приходит, теперь вы, а папы так и нет.

- Дорогая, послушай...

Но Адити уже выбежала из комнаты и, не оглядываясь, направилась к лестнице.

- Стой, Адити, остановись! - крикнул Раджвир, бросаясь за ней.

На середине лестницы девочка остановилась. Её глаза, полные ужаса, расширились ещё больше.

- МАМА!!! - раздался пронзительный детский крик.

Арджун, стоявший внизу, тут же накрыл тело белой тканью. Адити застыла как статуя. Глаза, наполненные ужасом, заблестели от боли, по щекам покатились слёзы.

Раджвир подбежал к ней, взял на руки и прижал её голову к своему плечу.

- Дорогая, не смотри. Не смотри, - тихо говорил он, вынося Адити на улицу.

Свежий воздух и аромат цветущих жасминов резко контрастировали с удушающей атмосферой дома. Раджвир увидел скамейку в тени старого мангового дерева и посадил на неё Адити.

- Посиди здесь. Я вернусь, - сказал он, стараясь говорить уверенно.

Адити схватила его за рукав форменной рубашки, её маленькие пальчики вцепились в ткань.

- Скажите, папа также, как и мама, покинул меня? - её голос звучал так тихо, что Раджвир едва расслышал.

Инспектор покачал головой, не в силах произнести ни слова, и ушёл обратно в дом. Адити осталась одна на скамейке. Её охватил страх одиночества, страх потери, но где-то глубоко внутри теплилась надежда - может, есть тот, кто её не бросил?

Раджвир вернулся в дом и подошёл к Арджуну, который осматривал кабинет Хармана Чаудари.

- Арджун, у Хармана был брат, Малик. Нужно найти его. Он несколько лет назад уехал, и о его местоположении никто не знает. Возможно, есть записная книжка с номером или адресом - с ним же должен был кто-то связываться из семьи.

- Хорошо, сэр.

- Это нужно сделать для маленькой девочки, которая ждёт меня в саду. Ей будет проще с родным человеком, который поймёт, поддержит и кого она не боится.

- Сэр, а если Малик откажется и не захочет брать опеку?

- Не говори так. Надеюсь, он разумный человек и не бросит племянницу. Если Адити отдать в приют для детей, за ней сразу начнётся охота - не потому что она такая милая, а причиной всему будут деньги. Дом, компания, магазины будут принадлежать ей, а я не хочу, чтобы её притворно любили из-за её наследства.

- Хорошо, сэр. Я обыщу каждый уголок этого дома, но найду необходимую информацию.

Адити сидела на стуле в кабинете инспектора. Она была бледной, её волосы спутались, а платье в нескольких местах испачкалось грязью. Девочка смотрела в одну точку, не издавая ни звука.

Прошло несколько часов. Раджвир не знал, как у неё спросить, что она видела в доме. Вдруг вопрос о человеке, который заходил к ней в комнату, расстроит её ещё больше?

- Дорогая, покушай, - инспектор принёс тарелку с рисом, курицей и лепешками, стараясь говорить как можно мягче.

- Нет. Я не хочу есть. Я ем только еду мамы, - грустно пробормотала Адити, не поднимая глаз.

- Послушай меня, Адити. Если твои родители покинули этот мир, то это не значит, что они ушли от тебя. Они оберегают тебя и присматривают за тобой. Ты их просто не видишь, и всё, а так они с тобой сейчас рядом.

- А вы их видите?

- Нет, дорогая. Я просто чувствую, что твои родители будут плохо себя чувствовать, если ты не покушаешь.

Адити нехотя начала потихоньку есть.

- Я не хочу, чтобы папа с мамой сердились на меня.

Раджвир погладил её по голове.

- Молодец. Скоро мы найдём твоего дядю, и он тебя заберёт к себе.

- Вы его не сможете найти, - оторвавшись от еды, сказала Адити. - Дядя уехал по делам, и папа говорил, что пока он их не закончит, то не вернётся. Папа тоже пытался его найти, но у него не получилось. Значит, и у вас тоже не получится.

- Малышка, я сделаю всё возможное, чтобы найти твоего дядю.

Тем временем Арджун обошёл всех соседей, но ничего не выяснил, кроме того, что мама владельца дома через каждый месяц уезжала на несколько недель. Он решил обыскать вещи бабушки на наличие информации, куда именно она уезжала. Через пару часов поисков Арджун нашёл несколько записных книжек и забрал их с собой в полицейский участок, чтобы проверить каждый номер и адрес.

Обзвонив несколько десятков номеров, поиски не увенчались успехом. Арджун, сидя за захламлившимся столом в полицейском участке, устало потёр глаза. На столе перед ним лежали раскрытые записные книжки, исписанные пометками, рядом стояла остывшая чашка чая. Он уже в отчаянии набирал очередной номер телефона.

- Здравствуйте. Вас беспокоит помощник инспектора Мумбайской полиции. Произошла чрезвычайная ситуация, и мы ищем родственников семьи Чаудари, - произнёс Арджун, стараясь, чтобы голос звучал уверенно и спокойно.

- Добрый день. Что случилось? - не дав договорить, собеседник перебил Арджуна. В голосе звучала настороженность.

Арджун сделал глубокий вдох, собираясь с мыслями.

- Вы сначала ответьте, кем приходитесь Харману Чаудари? - спросил он, стараясь придать голосу официальность, но не потерять человечности.

На том конце провода повисла долгая пауза. Арджун услышал, как собеседник шумно выдохнул, а затем - едва слышный стук чего-то поставленного на поверхность.

- Он... - голос дрогнул, - мой брат.

Арджун сжал трубку крепче, чувствуя, как участился пульс.

- Вам нужно срочно приехать в Мумбаи, - сказал он твёрдо.

- Скажите мне, что случилось? С мамой всё хорошо? - в голосе мужчины прозвучала мольба, почти отчаяние.

Арджун на мгновение закрыл глаза, подбирая слова. Он ненавидел этот момент - сообщать плохие вести.

- Семья Чаудари была убита в собственном доме. К сожалению, ваша мама тоже не выжила, - произнёс он тихо, но чётко.

В ответ последовала оглушительная тишина. Арджун слышал только прерывистое дыхание на том конце провода. Несколько секунд тянулись, как вечность.

- Алло? Сэр? Алло? - повторял Арджун.

- Я... выезжаю в Мумбаи, - наконец раздался голос, глухой и надломленный.

Звонок отключился. Арджун медленно опустил трубку на рычаг, глядя на неё невидящим взглядом. Его пальцы слегка дрожали. Он провёл ладонью по лицу, пытаясь собраться с мыслями.

Рядом сидел Раджвир, который всё это время молча наблюдал за разговором. Он положил руку на плечо помощника.

- Ты хорошо справился, Арджун. Это никогда не бывает легко, - тихо сказал инспектор.

Арджун кивнул, но ничего не ответил. Он поднялся из-за стола, машинально поправил форменную рубашку и подошёл к окну. За стеклом простирался шумный Мумбаи - город, который жил своей жизнью и пока не подозревал о трагедии, произошедшей в доме Чаудари. Яркие вывески магазинов, гудки такси, пестрая толпа на тротуарах - это казалось каким-то нереальным на фоне того, что они знали. Полиции пока удалось договориться с новостными каналами, чтобы эта информация не просочилась на телевизионные экраны. Но Раджвир знал:

долго скрывать такое не получится. Уже завтра заголовки газет будут пестреть шокирующими подробностями, а репортёры начнут осаждать участок в поисках сенсации.

Раджвир встал рядом, опершись на подоконник. Его уставшее лицо отразилось в стекле рядом с силуэтом Арджуна. Он провёл рукой по седым вискам - этот жест всегда означал, что инспектор глубоко задумался.

- Теперь главное - позаботиться об Адити, - произнёс он задумчиво, не отрывая взгляда от улицы. - Малик - её последняя надежда на нормальную жизнь. Если он откажется...

Он не договорил, но Арджун и так понял, что стоит за этой паузой.

- Думаете, он возьмёт её к себе? - спросил помощник, не отрывая взгляда от улицы, где дети играли, а уличные торговцы предлагали прохожим горячий чай.

- Надеюсь, - Раджвир вздохнул, и его плечи чуть опустились. - Иначе ей придётся столкнуться с ещё большими испытаниями. Вокруг таких денег всегда крутятся шакалы.

Он помолчал, подбирая слова:

- Пойдём, нужно подготовить всё к встрече. И предупредить Адити, что скоро приедет дядя. Ей хоть на немного станет легче.

Арджун наконец оторвался от окна и повернулся к начальнику. В его глазах читалась тревога.

- Сэр, а если он... если он не захочет её принять? Что тогда?

Раджвир положил руку на плечо помощника:

- Тогда мы найдём другой выход.

Они одновременно посмотрели в сторону соседней комнаты, где сидела Адити. Сквозь приоткрытую дверь было видно, как она сидит на стуле, обхватив колени руками, и смотрит в одну точку. Её тёмные волосы упали на лицо, скрывая выражение глаз.

- Нужно поговорить с ней осторожно, - добавил Раджвир. - Она в шоке. Любое резкое слово может привести к неисправимым последствиям.

Арджун кивнул:

- Я подготовлю комнату для разговора. Принесу ей чай с молоком и вкусные джалеби — мама всегда так делала, когда я был расстроен в детстве. Может, это хоть немного её успокоит.

Раджвир одобрительно улыбнулся:

- Хорошо, Арджун. Ты правильно мыслишь. Пойдём. Время не ждёт.

Они направились к двери, но перед выходом Раджвир на мгновение остановился, бросил последний взгляд на бурлящий жизнью город за окном и тихо добавил:

- Пусть Малик окажется достойным человеком.

Глава 3

Тревога, словно холодный туман, окутала Малика, когда он переступил порог полицейского участка. Воздух здесь был пропитан запахом чернил, бумаги и едва уловимым металлическим привкусом - запахом напряжённых будней стражей порядка. Его руки, предательски дрожащие, выдавали внутреннее смятение, а на лбу выступили мелкие капли пота, контрастируя с прохладой помещения. Он знал, что сейчас ему предстоит услышать слова, которые выбьют почву из-под ног, и мысль о том, что он не смог разделить последние мгновения с матерью, жгла его изнутри невыносимым огнём. Малик был одет в простую хлопковую рубашку цвета охры, слегка помятую после долгой дороги, и тёмные брюки. На плече висела небольшая кожаная сумка - всё, что он успел взять с собой, спеша на зов полиции.

Собрав остатки сил и сдерживая бурю эмоций, рвущуюся наружу, Малик подошёл к полицейскому.

- Здравствуйте, меня зовут Малик Чаудари. Вы просили меня приехать, - его голос прозвучал хрипло и надломлено.

Перед ним стоял помощник инспектора Арджун - молодой человек с открытым, но внимательным взглядом, в котором читалось сочувствие. Он был в форменной рубашке цвета хаки с аккуратно застёгнутыми манжетами и тёмных брюках, на поясе - рация и блокнот. Арджун окинул Малика оценивающим, но добрым взглядом, заметив его бледность и подрагивающие пальцы, словно видя отражение собственной уязвимости.

- Здравствуйте. Это я вам звонил, - Арджун слегка склонил голову в знак уважения, словно приветствуя не просто посетителя, а человека, несущего тяжкое бремя. - Прошу, пройдёте со мной.

Он указал в сторону кабинета, и Малик, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле, последовал за ним по длинному коридору. Звуки участка - телефонные звонки, шарканье шагов, приглушённые голоса - доносились до него будто сквозь толщу воды, искажённые и далёкие. Стены коридора были выкрашены в тускло-зелёный цвет, на них висели плакаты с ориентировками и расписанием дежурств. Арджун остановился у двери с табличкой «Инспектор Раджвир Сингх» и тихо постучал. Изнутри послышалось: «Войдите». Помощник инспектора открыл дверь и жестом пригласил Малика войти первым.

Кабинет инспектора был небольшим, но уютным. За массивным деревянным столом, покрытым царапинами и следами от чашек кофе, сидел мужчина лет сорока, но уже с седыми висками и усталыми глазами - сам инспектор Раджвир. Он был одет в тёмно-синюю рубашку с короткими рукавами и тёмные брюки, на запястье блестели старые наручные часы. Рядом, на стуле у окна, словно хрупкий цветок, сидела маленькая девочка. Солнечный луч пробивался сквозь жалюзи, освещая её тёмные волосы и бледное лицо.

Малик замер на пороге.

- Мне сказали, что никто не выжил. Почему? - голос Малика дрогнул эхом невысказанной боли.

- Сэр, я не успел вам ничего сказать. Вы повесили трубку, - мягко ответил Арджун, словно пытаясь смягчить удар.

Малик схватился за голову обеими руками, сжал волосы пальцами.

- Что мне делать?.. Я не знаю. Адити будет задавать вопросы... Что я ей скажу? Я не готов к этим разговорам, не готов объяснять то, что сам до конца не принял. Я рад, что она жива. Моя маленькая девочка жива - это единственное, что сейчас имеет значение. Но я не был к этому морально готов. Мне нужно время... - его дыхание участилось, грудь тяжело вздымалась, пытаясь вырваться из тисков отчаяния.

Арджун положил руку на плечо Малика, его прикосновение было твёрдым и успокаивающим.

- Пожалуйста, успокойтесь. Вы нужны этому ребёнку сейчас больше, чем кто-либо другой в мире. Вы - всё, что у неё есть. Пожалуйста, не оставляйте её.

Малик поднял глаза на Арджуна. В его взгляде боролись страх, горе и проблеск решимости, словно в бушующем море появился маяк. Он кивнул:

- Я бы никогда в жизни не оставил её. Она частичка моего брата - зеркало, в котором отражается всё лучшее, что в нём было. Судьба распорядилась так, что теперь я несу за неё ответственность. В ней течёт наша кровь, но важнее то, что в ней живёт его дух - тот огонь, который не угасает даже после смерти. Как я могу оставить её одну? Это всё равно что предать память о нём. Она моя маленькая принцесса, и я стану её опорой, её щитом, её проводником в этом мире.

Дверь снова открылась, и они вошли в кабинет. Малик серьёзно посмотрел на Адити. Она была одета в простое розовое платье с вышивкой по подолу, её волосы были собраны в неаккуратный хвостик, а на щеке виднелся грязный след, будто она вытирала слёзы рукавом. Девочка оставалась неподвижной, словно статуэтка, не поднимая головы.

- Адити... - прошептал он почти неслышно, словно боясь спугнуть хрупкое существо.

Она не услышала и продолжала смотреть на свои колени, погружённая в свой маленький мир.

- Принцесса! - воскликнул Малик, вкладывая в этот зов всю свою нежность и отчаяние. Адити повернулась к нему лицом, её глаза наполнились слезами.

- Дядя! - крикнула она, вскочив со стула, подбежала к нему и крепко обняла за талию, словно ища спасения. - Где ты был? Папа уже давно тебя ищет.

Малик не мог сказать маленькой девочке, что Харман на самом деле не пытался его найти, потому что когда-то выгнал из дома. Он обнял её в ответ, прижал к себе, чувствуя, как дрожит её маленькое тело.

- Принцесса, я был слишком занят, чтобы приехать, - тихо сказал он, глядя её по волосам.

Малик посмотрел на инспектора:

- Давайте всё уладим, и мы уедем домой, в Лакхнау.

- Да, конечно, - Раджвир указал на стул. - Пожалуйста, садитесь. Арджун, оставайся снаружи с Адити. Нам с мистером Чаудари нужно кое-что обсудить.

- Хорошо, - Арджун взял Адити за руку и вывел её в коридор.

Инспектор и Малик разговаривали в течение часа, который показался Адити вечностью. Она боялась, что её не отдадут дяде и оставят одну.

Наконец, дверь кабинета открылась, и оттуда вышли Малик и инспектор.

- Спасибо, что приехали, господин Малик. Вы поняли всё, что я объяснил? - спросил Раджвир.

- Да, понял, - кивнул Малик.

- Вам нужно будет пройти в дом, а затем к нотариусу.

- Могу я оставить Адити на некоторое время? Я не хочу, чтобы она возвращалась в этот дом после того, что случилось.

- Можно.

Спустя некоторое время Малик стоял у дверей дома, из которого его когда-то выгнали и просили никогда больше не переступать порог. Дождь начал накрапывать, капли падали на его лицо, смешиваясь со слезами - словно сама природа оплакивала прошлое.

Он смотрел на дом, пытаясь увидеть за дорогим фасадом то, что когда-то любил: смех матери на кухне, споры с братом, запах лепешек по утрам. Всё это ушло, но не исчезло совсем - осталось в нём, в его памяти, в его крови.

Малик поднял голову к небу, подставляя лицо дождю.

- Судьба любит иронию, - тихо сказал он. - Ты выгнал меня, брат, а теперь твоя дочь под моей защитой, а этот дом - мой. Но я не стану повторять твоих ошибок. Я буду помнить, что семья - это не стены. Это люди. И я сохраню то, что осталось.

Он сделал шаг вперед и переступил порог - на этот раз как хозяин.

Пол первого этажа был покрыт бурыми пятнами крови - они расплзлись неровными кляксами, будто зловещие карты судьбы, разложенные на светлом паркете. Малик увидел это, и слёзы потекли по его щекам, смешиваясь с каплями дождя, всё ещё оседавшими на коже. Он медленно вошёл внутрь, и взгляд невольно скользнул к стене напротив. Там, в позолоченной раме, висела фотография всей семьи - счастливые лица, улыбки, объятия. В памяти всплыли все счастливые времена, проведённые здесь: летние вечера на веранде, споры и примирения, праздники... Всё это теперь казалось далёким сном.

- Брат... - прошептал он. Боль утраты, вина, горечь обиды - всё смешалось в груди, сдавливая горло.

Малик глубоко вдохнул, пытаясь взять себя в руки. Он прошёл в кладовку, взял швабру, моющее средство с резким химическим запахом и старую тряпку, потрёпанную по краям. Набрав в ведро холодной воды из крана, он посыпал порошок на пятна крови и начал оттирать пол. Движения были резкими, почти яростными - словно он пытался стереть не только следы трагедии, но и всю боль последних дней.

Вода в ведре быстро стала коричневато-бурой, пропитавшись кровью и пылью. Малик вылил её, набрал свежей, добавил ещё порошка и продолжил. Он тёр до тех пор, пока руки не разъело моющее средство - кожа покраснела, пальцы начали покалывать от жжения. Только тогда он остановился, опустил швабру и посмотрел на результат: пол был чистым, но на ковре так и остались бурые пятна, как и в памяти мужчины.

Малик вытер руки о рубашку и направился в комнату Адити. Он аккуратно сложил её вещи - любимые игрушки, школьную форму, книжку со сказками, которую она всегда брала с собой в кровать. Каждый предмет отзывался в сердце острой болью: он представлял, как она играла здесь, смеялась, мечтала...

Собрав всё в небольшой чемодан и сумку, он вышел из дома. Последний раз оглянулся на стены, на фотографию, которую всё же решил прикрыть белой тканью. Это был не просто жест - это было признание. Признание того, что этот портрет - самое ценное, что остаётся в этом доме, несмотря на то что Малик не хочет брать его с собой из-за обиды на брата. Он осторожно расправил белую ткань, укрывая счастливые лица от пыли и времени. Ткань мягко легла на стекло, словно лёгкое покрывало над спящим ребёнком.

Этим жестом он показал, что всё богатство этого дома - дорогая мебель, фарфоровая посуда, все эти символы статуса - не сравнится с этим портретом. Эти люди, застывшие в мгновении радости - с улыбками, объятиями, теплом взглядов - были важнее любых сокровищ. В них была жизнь, связь поколений, память о том, что когда-то объединяло их всех.

Он провёл пальцами по раме, словно прощаясь, и отступил на шаг. Теперь портрет покоился под покровом, словно в тихом сне, - сохранённый, но отделённый от настоящего. Свет из окна упал на прикрытое стекло, осветив край позолоченной рамы, и на мгновение Малик увидел за тканью знакомые черты: улыбку Хармана и Адити у него на руках - совсем маленькую, с бантиком в волосах; мамины глаза, полные тепла; своего десятилетнего сына, который неловко прятал за спиной цветок; и себя самого - молодого, с беззаботной улыбкой, ещё не знающего ни обид, ни потерь.

Малик задержал дыхание. В груди защемило так сильно, что стало трудно дышать. Он вдруг осознал, что смотрит не просто на фотографию - он смотрит в окно в прошлое, где всё ещё было возможно: где брат не прогонял его, где семья собиралась за большим столом, где смех звучал искренне, а обещания оставались обещаниями.

Малик медленно провёл взглядом по знакомому силуэту дома, вспомнив прошлое еще раз. Всё это теперь принадлежало другому времени. Он решительно захлопнул дверь. Запер входные ворота на тяжёлую цепь и повесил большой замок. Металл глухо лязгнул, словно ставя точку в старой главе жизни.

Малик зашагал прочь, сжимая в руке чемодан Адити. В груди всё ещё бушевала буря чувств, но где-то глубоко внутри зарождалась новая решимость - ради неё, ради памяти брата, ради будущего.

Он забрал Адити из полицейского участка, и они уехали из Мумбаи. Машина тронулась с места, увозя их навстречу неизвестности, прочь от боли и воспоминаний, к новой жизни, которую им предстояло построить вместе.

Через восемнадцать долгих часов пути, наполненных тишиной, редкими вопросами Адити и попытками Малика подобрать правильные слова, они наконец приехали в дом, где жила его семья.

Он был намного меньше, чем дом Адити: одноэтажный, с покатой черепичной крышей и небольшим двориком, окружённым невысоким деревянным забором. Перед домом раскинулся скромный сад - несколько фруктовых деревьев, клумба с цветами и узкая дорожка, выложенная неровными камнями. Всё здесь дышало простотой и уютом, в отличие от величественного особняка. Малик замедлил шаг у калитки, чувствуя, как в груди сжимается тревога. Он не знал, как Адити воспримет этот дом после роскошных комнат, мраморных полов и высоких потолков. Девочка молча оглядывалась по сторонам, её взгляд скользил по простым ставням, по веревке с сохнувшим бельём, по старой качели под деревом. В её глазах читалось недоумение, но она ничего не сказала. У Малика был свой бизнес - небольшая мастерская по ремонту бытовой техники, которую он открыл несколько лет назад. Он вложил в неё всю душу, но не мог расширить её так, как это сделал его брат Харман Чаудари. Тот владел сетью магазинов и строительным бизнесом, и жил в роскоши, которую Малик даже не пытался догнать. Он жил скромно, но достойно - денег хватало на всё необходимое: на еду, одежду, образование детей, помощь соседям. Дом был небольшим, но чистым и ухоженным. Внутри пахло лепешками и приправами, которые жена Малика делала сама. На стенах висели фотографии его детей, а на полке у окна стояла глиняная фигурка - подарок младшей дочери.

Малик заметил, что у Адити были роскошные вещи: шёлковое платье с вышивкой, маленькие кожаные туфельки, серебряная заколка в волосах - то, что он пока не мог позволить себе купить для своих детей. Это вызвало в нём укол горечи, но он тут же подавил это чувство.

- Ну вот мы и дома, - тихо произнёс он, стараясь придать голосу уверенность. - Пойдём, я познакомлю тебя с моей семьёй. Они очень ждут тебя.

Адити подняла на него глаза - большие, янтарные, полные невысказанных вопросов. Она кивнула, крепче сжала ручку чемодана и шагнула вслед за ним. Малик положил руку ей на плечо:

- Я знаю, что это не твой старый дом. Но я сделаю всё возможное, чтобы ты чувствовала себя здесь комфортно. Обещаю.

Он толкнул калитку, и та скрипнула, словно приветствуя их. Из дома донёсся смех детей, а затем на крыльцо вышла жена Малика. Увидев их, она замерла на мгновение, а потом улыбнулась и поспешила навстречу.

- Добро пожаловать, - сказала она, обнимая сначала Малика, а затем осторожно прижимая к себе Адити. - Ты теперь часть нашей семьи.

Адити на секунду замерла, а потом, к удивлению Малика, обняла её в ответ. В этот момент он почувствовал, как тяжесть, давившая на плечи последние дни, немного ослабла.

Через четыре дня Малик опять ездил в Мумбаи - чтобы решить оставшиеся вопросы с документами и захоронить свою семью по всем индийским обычаям.

12 лет спустя.

Шёл сильный дождь. Потоки воды хлестали по земле, размывая тропинки, стекая по стенам храма и образуя лужи у подножия ступеней. По лестнице поднималась девушка. На ней была грязная белая майка с пятнами крови, синие джинсы, порванные на коленях, и железная труба в руке - оружие, которое она сжимала крепко. Её волосы прилипли к лицу, одежда промокла насквозь, облепив тело, капли стекали по щекам, смешиваясь с невыплаканными слезами. Но она шла твёрдо, словно не замечая непогоды, словно сама стихия склонялась перед её решимостью.

Каждый шаг давался с усилием: ноги скользили на мокрых ступенях, ветер норовил сбить с ног, но она упрямо поднималась всё выше. В голове крутились обрывки воспоминаний: смех родителей, их тёплые руки, обещание отомстить - клятва, которую она дала, стоя над пепелищем у родного дома. Когда девушка дошла до статуи, она уронила трубу - та глухо стукнулась о каменный пол и покатилась в сторону. Девушка упала на колени, опустила голову, и плечи её задрожали.

- Простите меня! - голос прозвучал хрипло, почти надломлено. - Пожалуйста, простите меня! Я знаю, что никогда не смогу искупить свои грехи. Но, пожалуйста, дайте мне шанс на искупление. Я поклялась отомстить за своих родителей и сдержала это обещание. Пожалуйста, простите меня!

Она подняла глаза к статуе божества, возвышающейся в глубине зала. Лицо девушки было искажено болью, голос дрожал, но в нём звучала неподдельная искренность:

- Теперь я обещаю Вам, что никогда не буду сжимать ладони в кулаки. Я изменю свою жизнь - это моя клятва вам. Убийцы моих родителей были наказаны. Правосудие свершилось. Пожалуйста, прости меня! И благослови меня на новую жизнь.

Тишина храма поглотила её слова, и на мгновение показалось, что даже дождь затих, прислушиваясь. Капли падали с карнизов, разбиваясь о камни, эхо молитвы замирало под сводами. В воздухе витало что-то древнее, почти осязаемое - ощущение присутствия высшей силы, внимающей её словам.

Внезапно на плечо Адити легла мужская рука - тёплая, уверенная, почти отеческая.

- Пойдём. Достаточно, - раздался спокойный мужской голос. - Ты уже достаточно настрадалась. Пора начать жить заново.

3 года спустя.

Район среднего класса. Узкая улочка со старыми домами, выстроенными ещё полвека назад: их кирпичные фасады потрескались, карнизы покрылись мхом, а деревянные ставни давно потеряли первоначальный цвет. Во дворе одного из домов, разделённом невысоким штакетником на две части, женщина средних лет энергично собирала вещи в большие картонные коробки. Женщина то и дело вытирала пот со лба тыльной стороной ладони, но на лице её играла широкая улыбка. К ней подошла соседка - девушка двадцати двух лет с небольшим количеством овощей в холщовой сумке. На девушке была лёгкая льняная блузка цвета мяты и белые штаны; на ногах - плетёные сандалии. Её тёмные волосы были заплетены в косу, перекинутую через плечо.

- Тетя Сатия, что это вы затеяли? Такая счастливая - будто готовитесь к какому-то большому приключению!

Женщина выпрямилась, упираясь руками в поясицу, широко улыбнулась:

- Так оно и есть, Мира! Наконец-то продала этот старый дом - и, представляешь, за отличную цену!

- Правда? Как здорово! Я думала, вы никогда не решитесь его продать... - удивленно сказала Мира.

- И это ещё не всё! Плюс ко всему удалось продать мой старый магазин - тот, что уже больше двух лет не работает. Представляешь? Будто сама судьба решила мне улыбнуться!

Сатия делает шаг вперёд и сжимает руки девушки в своих.

- Теперь у тебя будут новые соседи, - продолжила она с тёплой улыбкой.

Самолёт плавно коснулся взлётной полосы и покатился по бетону, замедляясь. Двери открылись, и по трапу спустилась очень красивая девушка. Её появление словно остановило время: люди замирали, оборачивались и смотрели только на неё.

Адити была одета в лёгкое белое платье до колен с изящной вышивкой вдоль выреза. Тонкий пояс подчёркивал талию, а на ногах - простые бежевые сандалии. Тёмные волосы свободно струились по плечам, несколько прядей мягко покачивались на ветру. На запястье блестел тонкий серебряный браслет, в ушах - небольшие серьги-гвоздики. Она шла уверенно, но без вызова - словно не замечая восхищённых взглядов.

Поймав такси, Адити назвала адрес в Бхандупе - тихом районе с узкими улочками. По дороге она смотрела в окно, наблюдая, как сменяются пейзажи: шумные рынки уступают место спокойным кварталам с небольшими домами за невысокими заборами.

Вскоре машина остановилась у старого одноэтажного дома с облупившейся краской на фасаде. Возле крыльца её уже ждала Сатия Чопра - женщина лет пятидесяти, одетая в яркое малиновое сари с золотой каймой. Тёмные волосы были аккуратно собраны в пучок, а в глазах читалось любопытство.

- Здравствуйте, - улыбнулась Сатия, слегка склонив голову.

- Здравствуйте, - коротко ответила Адити, остановившись в нескольких шагах от неё.

- Меня зовут Сатия Чопра. Я хозяйка этого дома. Сейчас подъедет адвокат, и мы подпишем документы - и дом будет ваш. И, кстати, как вас зовут? - Сатия сделала шаг вперёд, пытаясь поймать взгляд девушки.

- Это неважно, - холодно ответила Адити, слегка приподняв подбородок. - Адвокат будет долго ехать ещё?

- Минут пятнадцать ещё. Вы можете осмотреться. А вы будете здесь жить одна? - не унималась Сатия, с любопытством разглядывая новую покупательницу.

- Вас это не касается, Сатия Чопра, - голос Адити стал жёстче. - С кем жить, как жить - это решать мне. Моя личная жизнь вас не касается. Давайте будем обсуждать и задавать вопросы, касающиеся сделки.

- Конечно, конечно, - Сатия слегка покраснела и отступила на шаг. - Прошу, проходите.

Дом состоял из трёх комнат: одна служила маленькой кухней, две были жилыми. Внутри оказалась довольно просторная гостиная и небольшая ванная комната. Мебель была старой и частично сломанной, кондиционера не было. На кухне не оказалось никакой техники - только маленькая плитка и старая железная посуда, но она была тщательно вычищена и блестела, будто хозяйка специально надраила её перед продажей. В каждой комнате стояли большая кровать, комод, стол и массивный старый шкаф - один из них лишился двери, обнажая пустые полки.

Адити медленно обошла комнаты, касаясь кончиками пальцев шероховатой стены, проводя рукой по спинке стула, заглядывая в шкафы. Её лицо оставалось непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то - то ли облегчение, то ли усталость.

Когда адвокат наконец приехал, Адити всё ещё осматривала дом.

- Здравствуйте! - бодро произнёс он, доставая папку с документами. - Продавец расписывается здесь, здесь и здесь, а покупатель - здесь и здесь. Покупатель сейчас передаст деньги.

Адити молча достала из сумки несколько пачек купюр и передала их Сатии. Та на мгновение замерла, потом торопливо пересчитала деньги и поставила подписи. Адвокат быстро заполнил оставшиеся строки, поставил печать и протянул Адити экземпляр договора.

- На этом сделка завершена. Теперь дом ваш, - сказал он и, собрав бумаги, вышел из дома.

- Спасибо. До свидания, - бросила Адити, не оборачиваясь.

Сатия Чопра собрала последние вещи - старый чемодан, сумку с одеждой, коробку с фотографиями - и, бросив на новую хозяйку последний любопытный взгляд, уехала.

Через час к дому подошла Мира.

- Здравствуй! - Мира улыбнулась, останавливаясь у калитки. - Меня зовут Мира. Я ваша соседка. Поздравляю с покупкой дома!

- Привет! Спасибо, - Адити стояла на крыльце, скрестив руки на груди, её тон был сдержанным.

Мира хотела уйти, но что-то в этой девушке её зацепило. Она остановилась и задала вопрос:

- А как тебя зовут?

- Адити.

- Просто Адити? А фамилия?

- Да, просто Адити. Тебя это смущает или есть какие-то проблемы?

- Нет-нет, никаких проблем, - Мира слегка смутилась, но не сдалась. - Просто у людей всегда есть фамилия. У каждого из нас изначально есть семья, и мы носим фамилию своих родителей.

Адити на мгновение замерла. Её взгляд стал отстранённым, словно она смотрела куда-то далеко, за пределы этого двора. Затем молча развернулась и зашла в дом, громко захлопнув за собой дверь.

- Странная она! - тихо проговорила Мира, глядя на закрытую дверь. Она вздохнула, поправила сумку на плече и медленно пошла к своему дому.

Внутри Адити села на старый диван, который скрипнул под её весом. Она глубоко вздохнула, провела рукой по вытертой обивке и тихо произнесла:

- Здравствуй, новый дом! Ещё один новый дом...

Она думала, что прошла все испытания, но даже не догадывалась, какие сюрпризы уготовила ей судьба на этот раз.